

Алексей БАТАЛОВ:

СУДЬБА У МЕНЯ СЧАСТЛИВАЯ



— Никогда не было случая, чтобы сидел без дела. Но очень грустно, что из задуманного, из того, что хотелось, сделал все-таки мало...

ТАКОЕ признание популярнейшего нашего актера, да еще в канун его собственного шестидесятилетия... Неожиданно, да? Баталов — и вдруг мало ролей! Ну, а действительно, если подсчитать, то окажется, что за всю жизнь не наберется и двадцати.

Все так. И сам Алексей Владимирович пошучивает, что, когда его студенты перечисляют фильмы, в которых уже успели сняться, он только за голову хватается. Но вот начинаешь вспоминать баталовские роли — и наперекор цифрам думаешь: а ведь богатейшая творческая биография!

И еще одна поразительная вещь: Баталов — актер, что называется, «на все поколения». Его ранние работы пришлись на молодость наших родителей, но и мы вслед за ними засиживались у телевизоров, когда шли фильмы «с Баталовым».

Теперь нынешние школьники на повторных сеансах ТВ смотрят «Дело Румянцева», «Летят журавли», «Дорогой мой человек», «Девять дней одного года» — и тоже считают его «своим» артистом.

Счастливая судьба? Да. Потому хотя бы, что в ней без прикрас отразилось время. Первую роль — Алексея Журбина в «Большой семье» — Алексей Баталов сыграл в пятьдесят четвертом году, следом, в пятьдесят шестом, вышло «Дело Румянцева». Даты говорят о многом. Само время нуждалось в тех интеллигентных, слегка ироничных, чурящихся громких фраз парнях, олицетворением которых и стал на экране Баталов.

А ПОТОМ время переломилось, и подобные люди оказались не у дел — и в жизни, и в кино. И блеснуть ролью современника Баталову выпало вновь лишь годы спустя. Как зрительница утверждаю: фильм «Москва слезам не верит» побил все кассовые рекорды прежде всего благодаря его Гоше. Эмансипированным и самостоятельным нынешним женщинам, привыкшим все решать и за все отвечать, открылось вдруг, что для счастья не хватает «малости» — человека, который сумел бы все это делать за них. Именно такой, неожиданный и с тоской ожидаемый слесарь Гоша — влюбленный, надежный, спокойный, интеллигентный, а главное, берущий ответственность на себя.

Пожалуй, в главном этот киногерой сродни Гусеву из «Девяти дней одного года» и Устименко из фильма «Дорогой мой человек». На нем как бы лежит отблеск этих крупных, ярких ролей замечательного актера, несомненно, вошедших в историю нашего кинематографа.

НО ТОГДА, в середине шестидесятых, он надолго «ушел» в классику. И вслед за «Дамой с собачкой» снялся в картинах «Живой труп», «Бег». Его судьба в те годы — пример непоказного актерского мужества. Нет ролей в кино? Он находит их на радио. Ставит радиоспектакли «Казачи», «Белые ночи», «Поединок», «Ромео и Джульетта», теперь вот подготовил «Героя нашего времени», мечтает о композиции по бунинским рассказам. Осваивает профессию кинорежиссера — снимает фильмы «Шинель», «Три толстяка», «Игрок». Пишет сценарии. Преполагает во ВГИКе.

О Баталове-педагоге — разговор особый. За преподавание он взялся, как сам рассказывал: для осиротевшего курс Бориса Бабочкина, пришлось выручать. Обернулось это тем, что сейчас Алексей Владимирович выпускает уже четвертую «мастерскую». На занятиях во ВГИКе мы и встретились. В актовом зале было неуютно, холодно. Но студентов это, похоже, не смущало: в одном углу танцевали, в другом — махали деревянными мечами, на сцене пели под гитару, не обращая внимания на возившегося тут же котенка. Сам Мастер, невысокий, подвижный, в спортивной серой куртке, среди этой суматохи чувствовал себя великолепно. Подходил к студентам, негромко что-то объяснял, «заводился», проигрывая вслед за ребятами сценки. Потом, в разговоре, я заинтересовалась, что в отношениях со студентами для него главное. Баталов ответил не задумываясь:

— Быть с ними до конца честным. — И пояснил: — Насильно научить нельзя. Я могу только передать им то, что сам знаю и умею. А дальше все зависит от самих ребят, от уровня их знаний, культуры, таланта. Понимаете, если всех подряд на-

делять логарифмическими линейками, это вовсе не значит, что их обладатели поголовно станут великими математиками. Так и тут. Сложностей много. Но возможностей работать, играть у студентов нынешних в десять раз сегодня больше, чем было у нас.

Мне в жизни повезло. Довелось встретиться с живой историей. В нашей квартире на Ордынке бывали Олеша, Зощенко, часто заходила вдова Мандельштама Надежда Яковлевна. Пастернак несколько вечеров подряд читал у нас своего «Доктора Живаго» Анне Андреевне Ахматовой и еще несколькими друзьями.

Сейчас вроде бы и неловко об этом рассказывать — уж очень «модная тема». Но так судьба распорядилась, что в нашем доме Ахматова прожила самые трудные свои годы. Помню, как сам возил за сотый километр посылки для ее сына, Льва Николаевича, который был репрессирован, — из Москвы их тогда не разрешалось отправлять. Была Анна Андреевна человеком редкого мужества и силы духа, до последних дней сохраняла ясность ума, молодость души, глубину мысли. И разве передать, каким счастьем для меня было тогда держать в руках только что изданную книгу ее стихов.

Вот и в нашем «сегодня» мне кажется едва ли не самым важным восстановление справедливости, возвращение людям несправедно отнятого у них доброго имени. Счастлив, что дожид до времени, когда торжествует, наконец, очевидное...

— В кино сейчас тоже много перемен. Как вы оцениваете их с точки зрения секретаря Союза кинематографистов СССР?

— Сама перестройка в кино идет очень сложно: возможности вроде бы новые, а отвечать нам по-прежнему приходится не столько перед зрителями, народом, сколько перед инстанциями. Ну, а в нашем актерском деле, пожалуй, самое важное — создание актерской гильдии, которая охраняла бы права своих членов перед кинопроизводством. Что же касается моей секретарской «должности», то недавно подал заявление об уходе. А то неловко как-то получается: говорю о смене, а сам...

Только поймите меня правильно: от самой работы я и рядовым никуда не денусь — была бы польза. Но в нашей профессии столько от случая зависит... По себе знак. Сверстники уже всю снимались, а я «сыпался» на пробах, — не годился, и все тут, словно изъят внутри какой-то. Подозреваю, что и в «Большую семью» к Иосифу Хейфицу попал больше за голубые глаза — да-да, у него все Журбины голубоглазые подобались, вот меня к ним «в масть» и взяли...

— А ваша любимая роль?
— Борис Бороздин в фильме «Летят журавли». Может, оттого, что он погиб. Сам я в войну мальчишкой был, знал и видел таких вот молодых ребят, которые не вернулись с фронта. И до сих пор они в моей памяти...

— Вы из театральной семьи, да еще мхатовских «кровей». Достаточно назвать старшее поколение — отец Владимир Баталов, мать Нина Ольшевская, тетя Ольга Андровская, дядя Николай Баталов, дядя Виктор Станицын... А на вас театральная родословная кончается?

— Если говорить о моих домашних, то да. Жена Гитана Леонченко — кстати, замечательная и очень терпеливая! — цирковая актриса. Дочери? Надя занялась языками, Маша только что школу окончила, больше всего книги любит. Ну, а внучка Катя еще мала. Сам-то я в театре начал работать с четырнадцати лет — декорации таскал. Было это в эвакуации, в Бугульме. Помню, звал все же гордился тогда своей «взрослой» продуктовой карточкой. Потом окончил школу-студию МХАТ, попал в Центральный театр Советской Армии, оттуда вернулся в Московский Художественный, был с теми, кто мечтал о создании «Современника», но... кино перетянуло. Правил, в театре возвращался, ставил спектакли в Москве и Ленинграде. И сейчас бы с удовольствием вернулся, поиграю — если хватит сил и если позвонят в какую-нибудь хорошую «компанию».

— А как же кино?
— Если предложат хорошую роль? Брошу все — буду сниматься!

Т. ИСКАНЦЕВА.